Как выживали в «лихие девяностые»

Владимир Байков

SHOUT
SHARE
IT

•

ОТ СПРАВОЧНИКОВ ТУАЛЕТОВ К РОМАНАМ УЖАСОВ

Когда в 91-м цены отпустили, а зарплаты заморозили, то на инженерный оклад можно было купить только дюжины две плавленых сырков и еще, пожалуй, полбуханки черного, правда, на премию — еще и бутылку лимонада к ним. И все. Но сырки плавленые просто так не ели, слишком жирно будет. Покупали только такие: “Сырок плавленый с луком”. В горячей воде сырок этот распустишь да еще и картофелинку отварную натолчешь туда. А если луковицу отыщешь, то ее нарежешь, на маслице подзолотишь да супчик-рататуй этот им и заправишь. С черным хлебцем тарелочку такого супа навернешь — вот и обед прямо генеральский получится.

В те годы что в НИИ, что в КБ держали всех на голодном пайке, но никого при этом не увольняли. И сам по собственному желанию мало кто увольнялся, все ждали приватизации.

Сырков этих плавленых по два раза в день жена первая не выдержала. Пошла на почту телеграммы разносить. В пять утра встанет, в шесть уже по адресам бегает. А в восемь — дома спать заваливается. Потом бежит школьничка одного с занятий встречать. До дому доведет, покормит и родителей его потом дожидается. Все равно больше зарабатывать стала, чем на прежней работе младшего научного сотрудника.

А я подрядился мужику одному помогать. У него на вещевом рынке ларек был, электроприборами торговал: розетки, выключатели, пробки. Я ему их сумками подвозил со склада. Машины у меня отродясь не было, так я велосипед с дачи приволок, багажник к нему приделал — сзади и спереди, да еще рюкзак на спину. И гонял по Питеру на нем. Правда, зимой туговато приходилось. Так я саночки приспособил. Скорость, правда, уменьшилась. Ну, и вставать приходилось на два часа раньше. Ничего! На том свете отоспимся, думаю.

Потом мне вдруг идея одна в голову пришла. В Питере, в отличие, скажем, от Таллина, нет нигде информации о том, где расположены общественные туалеты. Это мне во время моих велосипедных поездок идея и пришла. Актуальной очень была в то время! Все справочники перелистал — нет, и все. Тогда зашел я в Ленгорсправку. У них тоже такой информации не было. Но идея им понравилась. Они разослали запросы по районам, по системе Водоканал. Причем нужно было указать, где платные, а где бесплатные. Через три недели у меня была полная информация обо всех туалетах Питера и пригородов — Пушкина, Зеленогорска, Сестрорецка.

А через пару месяцев мы уже завозили в киоски Союзпечати тираж красочных буклетов, прибавив в список все другие срочные службы — зубоврачебную помощь и профилактику венерических заболеваний.

* * *

Но вот деньги, полученные за эти буклеты, проели, и настала пора дальше думать, на что жить. С самого раннего утра я тщательно перелистывал справочники кооперативов, рекламные издания и, отыскав что-нибудь подходящее, тотчас же набирал номер и справлялся, не нужны ли им... далее текст был различным. После недель таких бесплодных звонков я понял, что волка ноги кормят, и начал объезжать подходящие конторы для личных бесед с работодателями.

И тут пришла новая идея — выпуск карманных календариков, рекламирующих бальзам "Золотая Звезда". Связался с кафедрой акупунктуры ГИДУВа, набросал им список самых распространенных, на мой взгляд, заболеваний, а они мне дали эскизы рисунков с точками, которые нужно массировать для избавленияч от этих недугов. Нашел профессионального художника-полиграфиста, он мне довел эти рисунки до ума и изготовил оригинал-макет, с которым я и пошел в издательство, предложив им за свои деньги это издать. Правда, денег у меня тогда своих не было, так я нашел денежного приятеля, снял у него для убедительности нажатием на точку "хэ-гу" похмельный синдром типа "после вчерашнего", он и раскошелился. Долго искал потом подходящую типографию и нашел завод грампластинок, который, помимо всего прочего, изготовлял целлофанированные футляры.

Но в те годы прежде, чем что-либо напечатать, нужно было пройти Горлит, чтобы "залитовать" печатное издание. Кстати, мой приятель, писавший песни для эстрады, тоже все должен был "литовать". Горлит, то есть, проще говоря, цензурный отдел, находился на Садовой. Там мне провели "литование" буквально за один день. Напечатали нам на заводе грампластинок триста тысяч таких календарей! Красивых, лакированных. Но случилась большая неприятность. Ненарезанные листы с календарями сходили с печатного станка настолько быстро, что из-за обилия черной краски она не успевала просыхать, и листы СЛИПАЛИСЬ друг с другом. Хотя опытный технолог это предусмотрела и попросила нас привезти два-три литра чистого спирта, чтобы влить в краску для быстрейшего ее высыхания, но мы не учли, как бы сейчас сказали "человеческий фактор". Спирт-то мы привезли, но совершили при этом огромную ошибку: не проследили, чтобы

работяги влили его в краску при нас. Они ее, правда, влили, но совсем не туда. Оттого-то листы с краской и слиплись! В итоге весь первый тираж пощел под нож! Для второго тиража мы привезли двойное количество огненной жидкости. Выливая сами в краску одну бутылку, мы тут же вторую вручали печатнику. Такой вариант оказался более успешным.

Мы назначили продажную цену 20 копеек за календарь, хотя обычные календарики с видами городов шли по 2–3 копейки. Дрожали, конечно, страшно! А вдруг никто их не купит, и тогда куда эти триста тысяч девать?! Но нам удалось быстро договориться с Аптечным управлением и с Управлением Союзпечати, и они централизованно развезли наши изделия по торговым точкам.

Календари наши шли влет! Правда, недели через две в ленинградской газете “Смена” появилась критическая статья о нашем календарике, причем размером в половину страницы! Поражаясь выдумке составителей, авторы одновременно возмущались ценой. Когда мы пришли в издательство, там уже были сотрудники ОБХСС, они явились по материалам газеты. Но директор издательства сунула им под нос новый закон о свободных ценах, и они, поворчав, ушли.

Кстати, совсем недавно, то есть спустя двадцать лет после их выпуска, видел наши календарики на интернет-аукционе EBAY…

После выпуска календарей, что немного поправило семейный бюджет, я продолжал обзванивать и объезжать массу организаций с поисками работы и предложениями. И вот как-то раз мне повезло. Я зашел в один из кооперативов, расположенных на Измайловском проспекте и торгующим меховыми вещами. Вдруг я заметил на столе у шефа американский детектив. “Effigies” было написано на обложке. Попросив разрешения, я начал его листать. На самом деле это был роман ужасов. Художнице детского книжного издательства прислали посылку. В ней лежал… отрезанный палец. У меня аж мороз пробежал по спине.

— Do you really like it? — спросил я своего собеседника.

Он встрепенулся:

— А вы что, английский знаете?

— I began studying English when I was five, — скромно потупясь, отвечал я.

— А как у вас с русским?

— ?

— Я имею в виду с литературным языком?

Я встрепенулся:

— Давайте я вам переведу страниц двадцать, а вы оцените.

– Хорошо, — сказал он, — через недельку занесите.

Он отошел в угол комнаты и сделал мне ксерокопии двадцати страниц.

— Понимаете, — сказал он, — надоело со шмотками возиться, хочется чего-нибудь для души. А деньги есть. Хочу небольшую издательскую фирмочку залудить.

”Да уж для души самое лучшее — это отрезанные детские пальчики”, — подумал я. Но фраза насчет наличия денег меня необыкновенно взбодрила.

Насчет того, что английским я начал заниматься с пяти лет, я не соврал. Дело было в 1949 году.

“Я УМЕЮ ЧИТАТЬ ПО-АНГЛИЙСКИ!”

Однажды отец вернулся домой с очередного заседания Дома ученых и сообщил, что видел объявление о том, что производится набор дошкольников пяти-шести лет в разговорную группу английского языка. Мне как раз было пять, а брату всего три года, так что речь шла только обо мне. Мать в те годы не работала: во-первых, двое детей, а во-вторых, отцу как кандидату наук платили достаточно, чтобы безбедно содержать семью из четырех человек.

И мать начала водить меня в английскую группу. Дом ученых был от нас недалеко — на Дворцовой набережной. От дома мы шли так: сворачивали на Гагаринскую, она упиралась в набережную Невы, а потом вдоль решетки Летнего сада, мимо памятника Суворову шли пешком до Дворцовой набережной.

В английской группе было ровно шесть ребят. Наша учительница Римма Исааковна начала с нами с устного счета. Конечно, самой сложной цифрой оказалась тройка — three. Этот межзубный звук надо было произносить не стесняясь высунув язык. Кстати, в школах иностранный язык тогда преподавали с третьего класса, но все равно правильному произношению этого звука никто не учил. Поэтому в школах все и говорили вместо this либо “фыс”, либо “зыс”.

В английской группе мы всё воспринимали только на слух. Например, самый популярный вопрос: “What`s your name?” — воспринимался нами не как несколько отдельных слов, а как фактически одно длинное слово: “Вотс-ё-нэйм?”.

Потом мы начали разыгрывать целые пьески. Первой была “Three little kittens”. И ее мы тоже только устно разучивали. После репетиций в белой гостиной было представление для родителей. Ребятам учительница раздала костюмчики котят, а я был ведущим — читал текст от автора. Я упросил бабушку дать мне складной цилиндр — шапокляк и галстук-бабочку. В таком наряде я и вышел на сцену.

Два года мать водила меня в эту группу, и почти все ребята начали уже довольно сносно говорить по-английски. Но мне ужасно хотелось писать ручкой. Дома я уже умел писать по-русски печатными буквами. А в группе не давали ни читать, ни писать. И когда я в 1951 году пошел в школу, где уже все читали и писали, мне стало ужасно неохота снова посещать какую-то "детскую" группу.

На этом мои занятия английским временно прервались.

* * *

Снова интерес к английскому языку проявился у меня неожиданно. Дедушка, зная, что я занимался английским, подарил мне, когда я уже пошел в первый класс 181-й школы, что на Соляном переулке, очень интересную книгу "Robinson Crusoe", адаптированную для школьников. В книге были настолько увлекательные иллюстрации-гравюры, что мне во что бы то ни стало захотелось понять ее содержание.

Я разыскал в книжном шкафу один из отцовских словарей, это был англо-русский словарь Мюллера и Боянуса, издания 1931 года, и начал пытаться с помощью этого словаря переводить текст на русский. Трудности начались с первой же фразы: "I was born in York". То, что I означает "я", мне было известно: однажды я подсмотрел это в книге учительницы английского. Но вот второе слово уже вызвало у меня массу сложностей. Я выяснил, что was — это прошедшее время от глагола to be, который означает: "быть", "существовать", но может быть и глаголом-связкой. Что такое "связка", я понятия не имел.

Ладно, тогда я перешел к третьему слову: born. С ним обстояло еще хуже! Это был не просто глагол в прошедшем времени, а целая третья форма глагола, какой-то past participle...

А означал он: "рождаться", "появляться на свет".

И тут меня осенило! Я просто перевел "в лоб": I was born — я был рожденным, я был рожден или еще проще: я р о д и л с я!

"Я родился в Йорке". Вот что означала эта первая фраза. Наверное, дети капитана Гранта вряд ли испытали большее удовлетворение, расшифровав полуразмытые буквы записки, найденной в плававшей по морям бутылке по сравнению со мной, понявшим эту первую фразу бессмертной книги. Я ждал и не мог дождаться прихода с работы отца. Едва он вошел в дом, я ему сразу с порога выпалил:

— Папа, я умею читать по-английски!

Вот так. Ни много ни мало. Умею читать, и все.

У меня до сих пор хранится эта книга, где почти над каждым словом первых двух страниц сверху карандашом над английскими словами тоненько надписаны русские слова, взятые

из англо-русского словаря. Отец достаточно хорошо знал немецкий язык, который в годы его юности был в СССР гораздо популярнее английского, но и с английским он вполне мог разобраться. И мы с ним вместе перевели эту книжку до конца. Правда, ему было это сделать легче еще и потому, что он в свое время читал ее на русском.

Потом он предложил мне поразить дедушку: взять в руки английского Робинзона и “с листа” переводить ее ему на русский. На радостях дед подарил мне и брату двухколесные детские велосипеды. Правда, не новые, но вполне подходящие для езды.

Словари и энциклопедии

В доме в книжном шкафу, помимо художественной литературы, стояло множество словарей и справочников. Позже появились энциклопедии. Был даже “Краткий философский словарь” 1941 года издания, лексика ряда разделов которого была близка к ненормативной. Это касалось, в частности, кибернетики, генетики, евгеники и прочих “буржуазных лженаук”.

Стояли и “Толковый словарь живого великорусского языка” Владимира Ивановича Даля, и “Словарь иностранных слов”. В 1953 году появился “Энциклопедический словарь”, а с 1958 года мы стали выписывать тома Малой Советской энциклопедии.

Всякий раз, когда мы с братом, встретив незнакомое слово, обращались за разъяснениями к отцу, он вначале сам нам объяснял их значение, а потом заставлял еще прочесть это либо в словаре, либо в энциклопедии. А потом еще нередко просил нас самих пересказать ему, что нового мы узнали по этому вопросу из книг. Сравнивая всякий раз статьи на одну и ту же тему, написанные в “Словаре иностранных слов”, в “Энциклопедическом словаре” и в Малой Советской энциклопедии, мы замечали, что по одному и тому же вопросу можно сказать и кратко, и чуть более подробно, и развернуто. Тем самым отец, сам ведя большую преподавательскую работу, и нас исподволь приучал к систематическому изложению вопросов со степенью подробности, учитывающей и интерес к теме, и предполагаемую аудиторию.

Когда же нам это начинало казаться немного утомительным, отец всегда приводил две пословицы: русскую “Терпение и труд все перетрут” и немецкую “Nur Beharrung fuehrt zum Ziel” — “Только упорство приводит к цели” (позже я узнал, что это строка из Шиллера).

Прочитав как-то “Принц и нищий” Марка Твена, я увидел в

нашем книжном магазине на улице Пестеля такую же книжку на английском языке и попросил маму купить ее. Дома начал ее с увлечением читать, иногда, правда, заглядывая в русский перевод. Таких небольших английских книжечек у меня набралось постепенно несколько десятков. Но вскоре меня перестали устраивать адаптированные книги, в них не хватало какого-то естественного аромата языка (это я уже позже сообразил, чего в них не хватало), это было то же самое, что беседовать не с носителем языка, а с преподавателем, и тогда я начал искать оригинальные издания. Первой такой книгой была “The old man and the sea”. У меня был уже ее адаптированный вариант, и мне нравилось читать параллельно оригинал, перевод “Старика и море” под редакцией знаменитого Ивана Кашкина и вариант этой же книги на английском для школьников. Я начал понимать, что такое “адаптация” книги. В эти годы по радио шло много передач о литературе и о языке: “Моя любимая книжка”, “ В мире слов”. И в одной из передач изо дня в день читали “Старика и море”. Правда, тут я немного забегаю вперед. Хемингуэем я увлекся в классе девятом.

А английский в школе у нас начался с третьего класса. Учительница была очень удивлена тем, что устный у меня был гораздо лучше письменного: писал я по-английски (а кстати, и по-русски) коряво. Правда, почти без ошибок. В школе был организован кружок английского языка, где мы читали и пересказывали короткие сценки, пели песенки на английском, а потом стали готовить и небольшие пьески.

ДЕНЬГИ: БЫЛИ ДА СПЛЫЛИ

Вернемся к началу рассказа о том, как мне дали проявить себя, предоставив для перевода первые двадцать страниц романа ужасов. Сразу скажу: он меня увлек, а это ведь очень важно — увлечься своей работой. Не забудьте, что пришел я в ту фирму соглашаться на работу, что они предлагали по объявлению — выделку шкурок. А эта-то работа по переводу была явно увлекательнее!

Пролог романа описывал, как пятидесятилетний мужчина, увешанный дорогущей фотоаппаратурой, снимал из укрытий маленьких мальчиков и девочек, а потом, проявив снимки в специальной кабинке своего внедорожника, раскладывал отпечатки на чердаке заброшеного дома. Некоторые фото он отбирал, запечатывал в конверты без обратного адреса и наутро опускал в почтовый ящик.

Я все это перевел, выправил неудачные фразы, отпечатал на принтере у приятеля. На собственный у меня тогда не хватало

денег. Шеф кооператива, заказавший мне перевод, не стал сравнивать его с оригиналом, а просто прочитал русский вариант и кивнул:

— Вполне сносно! Беретесь все перевести за месяц?

— За месяц? — поразился я. — Тут же почти четыреста страниц!

— Большие сроки нас не устраивают, — твердо признес шеф, — аванс можем выдать сразу. Так что?

И он направился к сейфу. Внутри у меня все дрожало. “А вдруг не справлюсь? Или ему потом не понравится? Ведь квартиру могут отобрать. Такие случаи уже были”. Но тут я вспомнил детей и жену, которые уже последние полгода питались со мной вместе и на завтрак, и на ужин только оладушками, сделанными из питательной смеси для малышей, запивая чаем, иногда даже с сахаром.

— Берусь! — решительно дернулся я.

Уже подходя к сейфу, шеф обернулся:

— Надеюсь, что мне вам не надо объяснять, что сорвете сроки или схалтурите — начнутся проблемы.

“Значит, могут и убить”, — пронеслось у меня в голове.

Я знал, что финансовые расчеты если и начнутся, то именно сегодня. Поэтому подготовился к визиту серьезно. Надел дорогой французский пиджак цвета морской волны, шейный платок из натурального шелка выгодно оттенял загорелую шею — результат двух походов в солярий. Моя опытная приятельница давно научила меня, что получать аванс и давать взятки нужно в самом дорогом прикиде. Надел свитерок — сразу предложат максимум сотню на опохмелку. А от человека в сандалиях не возьмут даже бутылку коньяка. Похоже, что и сейчас это сработало. Шеф щедро отсчитал мне сумму в рублях, равную моему годичному доцентскому окладу.

— Тут аванс, — пояснил он, — полный расчет при сдаче готовой работы. Сдадите распечатку и файл. На какую общую сумму вы рассчитываете?

Я прикинул: обычно в таких конторах дают авансом пятьдесят процентов. Но нужно ведь учесть и нынешнюю инфляцию.

— Я так понимаю, что вы мне дали сейчас половину общей суммы. Но нужно учесть и срочность работы. Поэтому считаем, что вы мне дали сорок процентов, значит, шестьдесят процентов за вами.

Он кивнул:

— Ну... хорошо.

— Да, вот еще что, — делая вид, что я не заметил, что он уже

начал вставать, — надо и инфляцию учесть.

— Как же? — шеф поднял глаза.

— Давайте зафиксируем на бумаге сегодняшние цены на пять-шесть ленинградских газет, суммируем их, а потом при сдаче работы сравним их с теми ценами, какими они станут через месяц. Это и будет коэффициент инфляции. Мы же занимаемся печатной продукцией.

Я потянулся к портфелю и вынул “Лениинградскую правду”, “Смену”, “Невское время” и еще несколько газет, купленных незадолго до этого в киоске. Шеф на меня смотрел с некоторым удивлением. Затем он записал в свою книжку сумму выданного аванса, срок сдачи работы и смысл договоренности об учете инфляции.

Получив такие огромные деньжищи, я сразу помчался на Кузнечный рынок, накупил свежих помидоров, огурцов, молодого чеснока, рыночную сметану, травок, купил огромный шмат телятины, неподъемную дыню. Ввалился в дом со всем этим. Домашние были в шоке. “Кого ограбил?” — висел в воздухе немой вопрос всей семьи. После того, как мы все это съели, в туалет было два дня не попасть. К нормальной пище привычка уже давно атрофировалась...

Никто и представить себе не мог, что будет с ценами через месяц! Только жена, наделенная богатой женской интуицией, чувствовала, что деньги, если их быстро не истратить, могут моментально растаять сами по себе. Она моментально приобрела новую непродавленную тахту, тостер и чайник со свистком....

Но через неделю, когда я заглянул в шкаф, где в коробку из-под обуви я совсем недавно запихнул тугую пачку двухсотрублевок, то разглядел там только сиротливо лежащую одинокую купюру!

* * *

Хорошо, что я был женат уже не первый год! Почти все заранее мог предусмотреть. Все-таки часть денег я отложил на непредвиденные расходы. И оказался прав. Перевести в день я мог максимум десять-пятнадцать страниц. За месяц четыре сотни страниц мне было не одолеть. И тогда я достал записную книжку и начал обзванивать людей, хорошо знающих английский язык.

Одна моя приятельница работала переводчицей в ГЭБе — это Городское экскурсионное бюро, водила по Эрмитажу иностранцев. Другая читала на английском лекции в Радиополитехникуме. Еще одна была синхронным переводчиком на переговорах в крупной фирме.

Я разбил книгу на части, взял себе бо2льший кусок и

договорился с ними о сроках. Выдал всем аванс из денег, что получил накануне. Через неделю назначили контрольную встречу. Только одна дама принесла нечто удобоваримое. Работу всех остальных пришлось не просто переделывать, а выполнять заново. Идиомы они не чувствовали, переводили их в лоб. Диалог получался у всех деревянным. Короче говоря, русского языка у них не было!

Работая по шестнадцать часов в сутки, я шустро продвигался вперед. О работе на кафедре я просто забыл. Договорился с ребятами, заплатил им, и они читали за меня лекции. Жена, как заяц, барабанила на клавиатуре, выхватывая у меня готовые рукописные листы. Даже кое-что поправляла. И все-таки к сроку я не успевал. Решил схитрить: позвонить шефу и показать ему готовую работу, мол, на предмет оценки. Все-таки он увидит, что дело движется. Но тут у него случились неприятности: кто-то поджег их кооператив, и шеф сильно угорел при тушении пожара. Я решил поехать к нему в больницу, прихватив с собой рукопись.

Лежал он в Мечниковской, но в палате на двоих. Масса народа лежала в коридоре. Он быстро взял мою рукопись и, застеснявшись своего беспомощного вида, быстро со мной распрощался:

— Хорошо, я вам позвоню.

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок:

— Скорее привозите продолжение. Тут две палаты просто умоляют.

Оказывается, что он читал вслух мою рукопись, чтобы оценить реакцию публики. Сбежались больные с соседних палат, подтянулись и сестрички. Правда, больничная жизнь разнообразием не балует, и этот интерес еще ни о чем не говорил.

ОБ ИСКУССТВЕ ПЕРЕВОДА

Снова вернувшись во времени, надо сказать, что институтские годы в смысле английского языка для меня даром не прошли. Существовала возможность подзаработать при факультетском бюро переводов. Туда с различных кафедр поступали заказы на переводы статей из журналов, а преподаватели распределяли их по студентам. Я почти сразу попал в обойму. Это было неплохой добавкой к стипендии. Да и мне эта работа нравилась. Тематика статей была достаточно разнообразной.

Однажды я даже попробовал перевести статью с немецкого. Самое смешное, что у меня это получилось. Загадки тут особой не было. Мой брат со второго класса поступил в так называемую

“немецкую школу”, расположенную на Малой Охте. Здесь, кроме языковых уроков, еще и некоторые предметы — история, география, литература — преподавались на немецком языке. Жили мы с ним в одной комнате, уроки он учил день и ночь: и письменные, и устные. Наизусть учил стихи, немецкие песенки. По телефону они обсуждали с одноклассниками домашние задания, те иногда приходили к нему домой и разучивали целые сценки. Одним словом, немецкая речь в течение всей его и моей школьной жизни звучала в доме постоянно. При этом надо еще сказать, что две учительницы у них были настоящие немки. Одна приехала из ГДР, а другая была из семьи старых петербургских немцев. Так что произношение своим ученикам они поставили именно н е м е ц к о е. И сейчас, уже спустя много лет, когда они встречаются классом, выясняется, что почти все из них так или иначе связали свою судьбу с немецким языком.

Вернемся к английскому. В кинотеатре “Сатурн” на Садовой изредка демонстрировались фильмы без перевода. Я буквально охотился за этими фильмами и сразу бежал смотреть, как только появлялся новый фильм. Там я посмотрел в оригинале “Roman Holiday” с неподражаемыми Одри Хепберн и Грегори Пеком, видел мелодраму “Rhapsody” с Элизабет Тейлор и Михаилом Чеховым, смотрел фильмы со Спенсером Трейси — “Старик и море” и “Нюрнбергский процесс” и много еще других великолепных картин. Конечно, это делало английский язык, правда, в его американском варианте, все более и более понятным. Из английских фильмов, которые и сейчас редко увидишь, я помню только “Адских водителей” (“Hell Drivers”) с участием тогда мало кому еще известного Шона Коннери. (Не путайте этот фильм с фильмом “Плата за страх” с молодым Ивом Монтаном.) Какое счастье, что сейчас фрагменты изо всех этих фильмов можно посмотреть на сайте youtube.com!

* * *

Меня всегда очень интересовало искусство перевода — и прозы, и стихов. Началось все с того, что я купил как-то в магазине старой книги на Жуковского английский вариант романа Джерома “Трое в лодке” — “Three man in a boat”. Дома у нас были книги с русским переводом этого романа. Один однотомничек, что на рисунке, там перевод М. Донского и М. Линецкой очень остроумный, а во второй книге — почти без тени юмора. Надо же так!

В десятом классе я прочел статью А.Твардовского “Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака” и был просто поражен, как совершенно по-разному перевели одно и то же стихотворение

“Джон Ячменное Зерно” три известных поэта: Э. Багрицкий, М. Михайлов и С. Маршак. Позже я прочел “Гамлета” в двух переводах — один Михаила Лозинского, другой — Бориса Пастернака. Скажу честно: оба гениальные. Кстати, Михаил Лозинский жил в доме 73 на Каменноостровском (в те годы Кировском) проспекте. У меня в этом же доме живет приятель, у которого я часто бывал в гостях. И кто знает, может быть, пребывание в этом доме, где еще витает дух знаменитого переводчика, и подействовало так на меня?

Постепенно я понял, что художественный перевод — это действительно искусство, а не ремесло. И мне вдруг захотелось самому попробовать свои силы. Я начал переводить с английского рыцарские баллады. Помните это? Ланцелот, Камелот, король Артур, рыцари Круглого стола...

Жалко, что эти первые опыты куда-то подевались, хотя вдруг и обнаружатся среди старых бумаг на дачном чердаке.

Вообще, если говорить о переводах, то тут знание русского литературного языка, языковое чувство не менее, а может быть, и более важно, чем хорошее владение иностранным языком.

Ведь нередко переводят по подстрочнику, особенно стихи. А вот легкость оперирования идиоматикой родного языка, выбор точной тональности идиоматических конструкций, попадание “в резонанс” с оригиналом — это и есть главное в искусстве перевода. Нора Галь в своей знаменитой книге писала, что это счастье, что Хемингуэй пришел к русскому читателю в переводах кашкинской школы переводчиков. (Иван Кашкин — переводчик, литературовед, теоретик художественного перевода, поэт.)

* * *

И вот, наконец, перевод романа, что мне заказал кооператив по продаже меховых изделий, был закончен. Я созвонился, договорился о встрече, а по дороге накупил в киоске газет тех же самых наименований, что приносил при заключении договора. За эти полтора месяца цены их возросли, страшно сказать, в целых ЧЕТЫРЕ раза! И я должен был соответственно получить сумму, в четыре раза превышающую ту, что была намечена всего шесть недель назад.

Шеф кооператива все еще лежал в Мечниковской, а встретил меня его помощник. Встретил поначалу приветливо. Взял у меня два экземпляра рукописи перевода, предложил: “Чай или кофе?” Это-то меня более всего и насторожило. Не подмешали бы туда чего-нибудь. А потом скажут: “Мы вам все деньги отдали, просто вы их, наверное, по дороге потеряли”. Но еще больше меня пугала возможность отсрочки оплаты. Мол, учитывая такую

неожиданно крупную сумму, давайте оплатим ее частями. Сейчас столько-то, а остальное чуть позже. То есть уже никогда.

Я потянулся к портфелю, вынул газеты и молча положил перед помощником. Он моментально отреагировал:

— Я в курсе. Вы — везунчик!

— Так и остальные цены тоже ведь вверх потянулись... — начал я.

— Да, но не так шустро. Вон наши манто остались почти в той же цене.

— Так еще не сезон, — оптимистично успокаивал я его, — еще же осень. Вот придут морозы, и зима настанет...

— Соловей петь песни скоро перестанет, — сразу продолжил он.

— Так с моей стороны все сделано. Теперь ваш ход, маэстро.

— Вы знаете, я должен с шефом переговорить. Съезжу к нему в больницу.

Я тут же потянулся за рукописью, но он меня опередил:

— А это я ему завезу. Пусть на досуге почитает.

— Хорошо, — уже начиная терять надежду, вяло согласился я.

Дома меня уже все ждали. Соскучились сильно.

— Папа, ну что? — с робкой улыбкой спросила дочка.

— А... ничего! — заменил я на ходу поневоле вырывавшийся ненормативный ответ.

* * *

Еще в школьные годы моей давней мечтой по мере изучения английского было поговорить с живым иностранцем. Не просто с хорошей учительницей иностранного языка, которая интуитивно сможет понять не только любое доморощенное произношение, но и неправильное словоупотребление, которая знает и чувствует русский язык и настроена поэтому на ту же “языковую волну”, что и я, а хотелось поговорить именно с носителем языка.

Ведь в чем состоит самый распространенный “прокол” новичков? Они почему-то уверены, что многообразие значений любого русского слова должно точно совпадать с многообразием значений соответствующего иностранного слова.

Возьмем, к примеру, слово “переносить”. Ему соответствует множество значений: переносить можно предметы с места на место, переносить можно время собрания, переносить можно слова с одной строки на другую, переносить дело в суд, перенести столицу в другой город, переносить можно и операцию, и страдания, а можно кого-то на дух не переносить и т. д. Так вот практически каждому из приведенных значений и в английском,

и в немецком языках соответствует свой отдельный глагол, отличный от других. А новичок берет, скажем, одно значение этого глагола и сует во все места, будучи уверен в полном соответствии иностранного языка русскому. Я уж тут не говорю о русской идиоматике!

Поэтому мне и хотелось проверить себя на иностранцах. Случай представился на дне рождения девушки моего приятеля. Работала она в салоне для новобрачных на Суворовском проспекте, где раз в жизни молодежи предоставлялась возможность купить, что они хотят: импортную одежду и обувь, дефицитные продукты. Так что девушка была заметная и свой день рождения устроила на крыше “Европейской”. Иностранцев там было полно, но наших обслуживали за рубли. Выпив за столом за здоровье новорожденной и за процветание советской торговли, я начал оглядываться на соседние столики. Через столик от нас сидела пожилая американская пара. Несколько раз мы встретились с ними взглядами и приветственно подняли бокалы. Наконец я осмелел, встал и подошел к их столику. Объяснил, что учу английский уже лет десять, но ни разу не говорил на нем с людьми, для которых он является родным. Они пригласили меня за столик. Разговор пошел вначале о показанном у нас широким экраном первом настоящем американском вестерне — “Великолепная семерка” (The magnificent seven) с Юлом Бриннером в главной роли. От них я впервые и услышал, что Юл Бриннер — русский, играл Алешу Карамазова, выступает с цыганскими романсами. Мы беседовали минут двадцать, и я все понимал, что они говорили, и они понимали мою речь! Это для меня было целым открытием, что меня понимают иностранцы.

* * *

Всякий раз, когда вспоминают начало перестройки, то как-то забывают одну деталь. В перестройку появилась возможность беспрепятственного копирования любых материалов. Помню, еще в восьмидесятые годы нашего ответственного за копировальный аппарат “Эра” поперли с работы, а заодно и из партии за то, что он за деньги делал копии двух “ужасных” книг: “Закат иудейской религии” и “Техника секса”. А в девяностые ксероксы, правда, еще не стояли на каждом углу, но во многих организациях они уже появились. И первое, что многие на них стали копировать, — это учебники английского языка, сделанные ТАМ. У меня появились издания Кембриджского и Оксфордского университетов, да еще и с кассетами. Очень были популярны также курсы “How to survive in the USA”, “Streamline”, различные

учебники делового английского. Позже появились и видеокурсы — и английского, и немецкого. Уже в первые годы перестройки к нам стали приезжать из Англии и Америки преподаватели — носители языка.

Как-то раз мы с приятелем, перейдя Аничков мост, свернули с Невского на Фонтанку, и он предложил мне перекусить в буфете Дома дружбы. Полное его название было “Дом дружбы и мира с народами зарубежных стран”.

— Только иди мимо дежурного посмелее. Ничего не спрашивай и не оглядывайся, — предупредил меня он.

Мы прошли в буфет. Там было полно аппетитных закусок. И еще одна особенность: в помещении буфета почти не было мужчин. Полностью свободных столиков не оказалось. Проходя уже с полным подносом, мы услышали, как двое девушек перебрасываются между собой английскими фразами.

— May we join you? — обратился я к ним.

— Да, пожалуйста... в смысле you are welcome, — засмеялись они.

Выяснилось, что тут имеются курсы английского языка, которые ведет преподавательница из Англии Хелен Орчард.

— А мы могли бы присоединиться к группе? — с надеждой спросил мой приятель.

— Если она не будет против, то пожалуйста. У нас парней мало. Точнее, ни одного.

Они переговорили с Хелен, и нас взяли.

Когда мы стали заниматься у Хелен, то поняли сразу, в чем разница между нашими преподавателями языка и английскими. Дело не только в произношении и в знании современной лексики. Дело в другом. На занятиях поднимались только ДИСКУССИОННЫЕ темы. “В споре рождается истина”, — говорим мы. Но в споре рождается и язык. Желание победить, найти свои аргументы расшевеливает подкорку, и мозг начинает работать активнее. А желание, чтобы преподаватель-иностранец тоже тебя понял и встал на твою сторону, не позволяет, засучив рукава, перейти на русский язык! Не было НИКАКИХ описательных рассказов “Как я провел лето”! Только “острые темы”. Это и побуждает “развязывать” язык. Лишь во время диспутов язык по-настоящему расковывается. Здесь подключаются еще и эмоциональные стимулы. Еще ведь Мишель Монтень говорил, что согласие — плохой стимул для беседы.

И еще одна особенность проведения занятий — не поочередный опрос каждого по очереди, во время которого вся остальная группа спит или переговаривается вполголоса по-русски, а острые, разящие реплики, встречные вопросы. И если

обычно на занятиях только и мечтаешь: “Может, пронесет, и не спросят”, то тут наоборот — только бы дали высказаться!

Вместо набивших оскомину “Daily Worker” и “Moscow News” мы читали “Times” и “Independent”, обсуждали проблемы легализации проституции и сексуальных меньшинств, обсуждали вопросы плюсов и минусов бесплатного посещения музеев, легализации наркотиков.

Все занятия проходили очень непринужденно. Всякий раз ближе к концу занятий откупоривалась пара бутылок шампанского и открывалась коробочка конфет. И беседа текла при этом намного легче. Хелен призналась, что она большой любитель шампанского, но в Англии это стоит несусветно дорого. А здесь, хотя шампанское и не высшего сорта, не “Мадам Клико”, как она говорила, но все равно очень неплохое.

Другим ее увлечением была телятина. Она ходила на рынок и покупала парную телятину по доллару за килограмм. “Это неслыханно, — восхищалась она. — Утром я завтракаю холодной телятиной. Это завтрак миллионеров!” Правда, поначалу она расстроилась: ее английские фунты везде принимали за конфетные обертки. И ей пришлось обменять их на доллары.

Каждый из участников этой группы приносил с собой на занятия словарь, но Хелен пользоваться словарями разрешала только в исключительных случаях. В то же время критике она их подвергала самой жесткой. “Так англичане не говорят! Я первый раз такое вообще слышу! Что-то подобное говорила разве только моя бабушка”.

Это была ее реакция на наши словари. В то же время изданные в Англии словари не имели транскрипции, что для нас было очень важно. Кроме того, там содержалась масса ошибок в русскоязычной части. Именно тогда у меня и забрезжила первая робкая идея создать новый современный англо-русский словарь...

Самое таинственное во всей истории с этими занятиями было то, что мы с приятелем не знали, где работают девушки, которые занимались в одной с нами группе. Почему-то разговор об этом всякий раз, едва начавшись, сразу прекращался. И только на прощальном банкете накануне отъезда Хелен домой в Англию, когда мы собрались у нее в квартире на Фонарном переулке и выпили по две с небольшим бутылки шампанского на человека, я узнал, что все девушки работали в ОВИРе. Это Отдел виз и регистраций, через который должен был пройти каждый, отъезжающий за границу. Это сейчас проблема получить въездную визу, а тогда была проблема получить визу в ы е з д н у ю.

* * *

И все-таки гонорар за перевод романа мне выплатили полностью. И тут же заказали новый — “The Dark”. Сроки опять были жесткими. Но тут у меня начались неприятности на работе. Завкафедрой, прознав, что я фактически нанял других преподавателей для чтения своих лекций, пригрозил увольнением. Хотя доцентская зарплата в “лихие девяностые” (да и в наше время тоже) являлась просто насмешкой, но как-то не хотелось терять статуса. И тогда я придумал следующее: найти себе реальных помощников. Но как это сделать?

В пору активных поездок в колхозы я познакомился с одним молодым преподавателем с кафедры английского языка. Парень был из профессорской семьи, стажировался в Англии, но был абсолютно не приспособлен к жизни в сельской местности. Не умел растопить печку, наколоть дров, не знал, как нужно разговаривать с трактористами, бригадирами. А уж когда он видел, как я запрягал в телегу лошадь, он просто стоял, разинув рот. Над ним все подсмеивались — и преподаватели, и студенты. И вот я над ним взял шефство. Отбривал наиболее ретивых, когда они уж очень над ним издевались, помогал ему, кое-чему научил. И он ко мне проникся доверием. Постепенно отношение и других к нему переломилось. И вот именно к нему я и обратился за помощью, нет ли у него знакомых профессиональных литературных переводчиков.

И попал в точку! Парень писал диссертацию, а руководителем у него был заведующий кафедрой теории перевода крупного ленинградского вуза — приятель его отца. Вот по его рекомендации я к нему и обратился. Вадим Павлович оказался очень приятным в общении человеком. Плюс к тому же свободно владел пятью языками, в том числе английским, французским и испанским. Он переводил Лопе де Вега, Фолкнера, Чейза. Он предложил следующий вариант: я делаю копии глав книги, а он раздает их своим “бабушкам-пенсионеркам”, как он их назвал. Это бывшие преподаватели их кафедры, вышедшие на заслуженный отдых. Плюс к тому мы с ним сами тоже берем по большому разделу. Полистав книгу, он сказал:

— Да, тут есть сцены оргий. Лучше моим старушкам их не давать. А то еще окочурятся. Ну, да я сам потом прогляжу и выберу, что кому поручить. В то время вся интеллигенция сидела на мели и с радостью хваталась почти за любую работу. Потом мы собирались с ним вместе, брали выполненные разрозненные части и, читая вслух по очереди, “причесывали” их. Это и было литературное редактирование.

* * *

После перевода двух романов я уже достаточно осмелел и занялся поисками новых английских и американских детективов по магазинам старой книги. Набирал их целую кучу, потом дома разбирался, что стоящее, что нет, и делал выборочный перевод наиболее ударных фрагментов, по 20–30 страниц. Затем отыскивал издательства, выпускающие переводную литературу, и предлагал им фрагменты своих переводов. В ряде случаев со мной заключали договоры, и я сразу принимался за работу.

Теперь мне удалось купить более приличный компьютер, принтер, а вскоре дома появился и Интернет. Дела шли на лад, мешала только работа. И вдруг возник неожиданый поворот читательского интереса. В одном из издательств мне показали рукопись, именно рукопись, написанную шариковой ручкой. Это была первая книга Андрея Кивинова “Кошмар на улице Стачек” — добротный сплав хорошего знания уголовной хроники, милицейских будней и юмора. Кстати, потом по сценарию Кивинова был поставлен сериал “Улица разбитых фонарей”. И тут я понял, что нашему читателю уже становятся малоинтересны приключения джонов и мэри на 32-й улице, их гораздо больше трогают свои братки.

Тут-то мне и пришла идея перенесения в литературе реалий западной жизни на родную почву. Сколотить крепкий сюжет романа, придумать композицию, структуру мне было не по зубам, а “вышивать” по готовой канве нашими нитками я попытался попробовать. Начал переделывать один из переведенных мною романов ужасов в российский детектив. Все “стриты” у меня обрели конкретные питерские названия: Садовая, Моховая, Кирочная. Гудзон превратился в Невскую губу. Вместо биллов и джеков стреляли толяны и димычи. А вот долларовые миллионные наследства так и остались основными пружинами романа. Проститутки и сутенеры, наркоторговцы и киллеры плавно безо всяких изменений перепорхнули в “русифицированную” версию. Добавил туда еще местного жаргона, официантских и ментовских физиономий, и получился настоящий отечественный роман. Оставалось только получить разрешение у издательства, выпустившего оригинал.

* * *

После того, как Хелен уехала домой в Англию, сразу образовался некий вакуум. Но просуществовал он недолго. Следующим преподавателем, который вел занятия по английскому, был Тимоти Хассал. Это был человек с очень интересной биографией. Родился в Англии, около пятнадцати лет

работал в Америке, а к концу жизни переехал в Новую Зеландию. Он привез с собой кучу видеокассет с новостными англоязычными программами, конкурсами, играми типа нашего “Поля чудес” и “О, счастливчик!”. Мы смотрели передачи, пытались вместе со зрителями, сидящими в зале, угадать нужное слово, спорили. Кроме этого, он нам читал лекции о различии британского и американского вариантов английского. Мы даже играли в такие игры: вы находитесь в Америке, как спросить то-то и то-то, как ответить и т. д. Если в Англии, к примеру, спрашивают: “Have you got?”, то в Америке: “Do you have?” “Certainly”, — говорят в Англии, “Sure”, — говорят в Америке и т. д.

Но самое ценное, что он привез с собой, — это наброски книги “English for Academic Visitors”. Он дал мне ее прочесть и высказать свое мнение. Речь в книге шла о том, с чем необычным, с точки зрения иностранца, сталкиваются студенты, аспиранты, преподаватели, приехавшие в Англию. Я назадавал ему кучу вопросов, предложил включить после каждого раздела контрольные вопросы для проверки усвоения, сделать также перевод диалогов на русский, а в конце книги привести краткие словарики по тематике книги — англо-русский и русско-английский. Он почти со всем согласился. Работа закипела! На меня были возложены функции по переводу на русский диалогов и по составлению словариков.

Через пару месяцев я нашел издательство, которое заинтересовалось этой рукописью. Но мне хотелось большего — записи на кассеты диалогов из книги с помощью носителей языка. Причем записью в профессиональной студии. С помощью знакомых Хелен, с которыми мы не раз встречались на ее занятиях, я обеспечил добровольных дикторов. Правда, мы с ними договорились об оплате в два приема: сразу после записи и после выхода тиража. Отыскали в университете двух американцев — парня и девушку. Осталось найти студию для записи.

Обзвонив несколько десятков приятелей, я вышел на Радиокомитет на улице Ракова. Условия там были фантастические! Обитые войлоком стены без окон, огромные студийные магнитофоны. Кроме того, там была огромная коллекция щумов: шум улицы, шум супермаркета, шум дождя, шум офиса. И много еще других звуковых эффектов для радиоспектаклей.

Звукооператор сразу заметил, что одна из наших англичанок слегка заикается, зато вторая...

Он посмотрел, как выглядит спектр ее голоса на аппаратуре, и сказал:

— Это либо актриса, либо певица!

— Почему вы так решили? — удивился я.

— Именно такие голоса, проникающие вплоть до... — сказал звукооператор, — ищут те, кто организует службы секса по телефону. У меня аж все вибрирует от ее голоса. Эх, жалко, что она по-русски ни бельмеса.

В дальнейшем проблем с записью и тиражированием кассет не возникло. Возникли они совсем в другом месте. Издательство, с которым мы заключили договор и выплатили аванс, скрывало от нас типографию, где будет печататься тираж. Мне с трудом удалось выяснить ее адрес. Это было в Парголове. Так вот я приехал туда и узнал, что они никакого заказа от нашего издательства не получали, хотя те клялись за месяц выпустить весь тираж. Я был просто взбешен. Поехал в издательство. А там пир стоял горой. Гремела музыка, девицы с размазанной косметикой висли в танце на парнях. Меня сразу стали тащить за стол. Пили они, похоже, уже неделю и, без сомнения, на наши денежки.

Мы срочно перенесли все материалы в другое издательство, которое нам за две недели выполнило полностью заказ, а с первым издательством разобралась их служба безопасности.

Так я и перешел от теории к практике.

* * *

За то время, что я перевел десяток романов, посещал курсы, читал англоязычную прессу, я постоянно по-студенчески делал записи новых слов и выражений, идиом, пословиц. Очень часто бывало так, что нужного слова не удавалось найти даже в больших словарях. Потом я понял, почему так происходило. Во-первых, из-за лени составителей словарей. Им лень было менять структуру словаря при переиздании, потому и писали: “Издание 23-е стереотипное”. Это значило, что ассоциативный ряд слов-переводов при почти всех словарных статьях не изменялся десятки лет, а язык за это время претерпевал существенные изменения. Особенно это касалось разговорных слов и выражений.

А вторая причина состояла в том, что составители словарей, в то время десятилетиями не выезжавшие в страну, язык которой они пытались изложить в своих изданиях (если они вообще хоть раз там бывали), не могли отразить текущие языковые реалии. Представьте себе, как трудно было бы составить словарь русского языка иностранцу-слависту, посетившему нашу страну последний раз во времена Московской Олимпиады 1980 года и пропустившего всю новую терминологию эпохи перестройки и постперестройки!

Так вот записи эти у меня копились и ждали своего часа. Тем временем нам пришла идея нестандартного углубления изучения английского языка. Я подъехал в редакцию газеты “Ленинградский университет” и попросил поместить в ней такое объявление: “Семья примет на две-четыре недели студентку или аспирантку из Великобритании или США на бесплатной основе. Bed&Breakfast. Free of charge!”. Дал номер домашнего телефона.

На том, что принимать мы будем девочек, а не мальчиков, настояла жена. “На парней, — сказала она, — не наготовишься, а девчонки едят как птички” (это она судила по нашей дочке). Дочке было в те годы четырнадцать лет, а сыну шесть. Уже через пару дней начались звонки. На встречи выезжала жена, проводила тщательный осмотр. Ей было главное, чтобы у девушки была аккуратная одежда, не было перебора с косметикой и чтобы не курила.

За два года у нас останавливалось на период от двух недель до двух месяцев четырнадцать человек. Некоторые даже по несколько раз. Это не считая тех, кто заходил к нам в гости из приятелей или приятельниц наших постоялиц. Зато английским языком мы были наполнены с самого утра и до позднего вечера. Как правило, у нас жили студентки-славистки. Мы им помогали выполнять задания по русскому языку, объясняя, например, что означает:

Ты волна моя, волна,

Ты гуллива и вольна...

Этот период пришелся на 91–93 годы. Думаю, что не надо пересказывать, какие события происходили у нас в стране в то время. Нашим студенткам постоянно звонили родители, беспокоясь за ситуацию и волнуясь за своих детей. Если они их не заставали дома, то разговор по телефону шел с нами. Так что каждый день у нас была постоянная языковая практика.

В это же время к нам в университет приехал американский профессор Майкл Стенли. Он читал полугодовой курс лекций и проводил практические занятия по теме “Business Communication”.

Кроме дальнейшего углубления в изучение английского языка, мы узнавали много интересного о психологии делового общения, о технике ведения переговоров. В те годы у нас почти еще никто не использовал термин “Public Relations”, тем более понятие “пиар”. Кстати, и сейчас далеко не все знают, что это просто английские названия двух букв латинского алфавита, а уверены, что это какое-то французское слово, наподобие “бонсуар”, “оревуар” и т. п.

* * *

Как-то, играя с детьми, я задумался, как пробудить их интерес к изучению английского языка. Ответ пришел неожиданно. Дети постоянно покупали жевачку, в пачке которой был “сюрпризик” — очень яркая картинка с надписью “Love is...”, и дальше шла картинка, иллюстрирующая, что такое любовь. Картинки были совершено невинные: любовь — это... подарить девочке мороженое, отогнать злую собаку, заступиться за нее на улице и т. д.

Дети собирали эти картинки, а я разнообразил варианты ответов с комментариями на английском. А потом мне пришла мысль: “А почему бы не иллюстрировать анекдоты на английском?” Идея старая как мир — сделать комиксы, но сделать их тематическими, совместив с разговорниками. То есть на одной стороне разговорничек по теме, скажем, ресторана, а на другой — комикс по ресторанной тематике. Причем сделать это в форме книжных закладок!

Я сделал три таких пробных образца и поехал по типографиям. Нужна была очень плотная бумага, типа той, из которой делают игральные карты. Объехал десяток подобных организаций, и вдруг — удача!

На комбинате цветной печати изготовляли крупноформатные репродукции с видами Петергофа. И у них оставались по бокам листов длинные узкие припуски. Их потом обрезали и сжигали. Так вот появилась идея печатать наши книжные закладки за один проход с основной работой типографии, а потом срезать их — и закладки готовы! Для этого требовалось лишь немного дополнительной краски, а бумага практически доставалась даром!

Напечатали нам для начала 300 тысяч таких комплектов. Мы поставили цену: 90 копеек. Моментально все было распродано. Тогда сделали еще допечатку — снова 300 тысяч, но уже решили продавать их по рублю пятьдесят. И тут, как обычно, жадность фраера сгубила! Кончилась допечатка видов Петергофа, значит, кончились и наши закладки.

Самое забавное — это то, что у нас дома этих комплектов лежало штук сто для подарков. Тем не менее ничего не подозревавшие одноклассники дарили дочке чуть не каждый день по такому же набору, которые они покупали в киосках Союзпечати, в книжных магазинах. Они же понятия не имели о том, что ее папа как раз их и разработал.

Шел 1991 год.

* * *

Еще в 1987 году меня направили преподавать в Гвинею, в

университет Конакри. Помню, как представитель министерства уже в самой столице Гвинеи меня подробно расспрашивал, что там за перестройка происходит в СССР. Я ему взахлеб рассказывал обо всех новостях. Он слушал нахмурившись, потом сказал мне:

— Вы обо всем этом нашим преподавателям не рассказывайте. Не надо их... развращать.

Дело было в том, что тут среди наших преподавателей он был царь и бог. Без его разрешения нельзя было съездить в центр города, выезжать туда можно было только, как минимум, по трое. Перед всеми советскими праздниками были режимные дни, то есть в городе вообще нельзя было появляться.

Меня же поселили не в преподавательский дом, а в гостиницу прямо на берегу океана. Шведский стол, номер за 180 долларов в сутки. All inclusive, то есть ешь и пей от пуза хоть целый день. Свободное общение с кем хочешь и где хочешь и свободный выезд в любое место в городе. Правда, совесть, когда я поедал все эти разносолы французской кухни, все эти “саляд кафе де Пари”, “канар доместик”, “пуле роти”, все время напоминала мне, как мы всей семьей в Питере, славном городе трех революций, стояли темным осенним вечером за ячневой крупой, которую тоже давали только по талонам. А дежурным блюдом у нас тогда были мочёнки: нарежешь батон за 13 копеек, обмакнешь в молоко — и на горячую сковородку, обильно политую подсолнечным маслом. Красота!

Из разговоров в конакрийском университете с нашими преподавателями-русистами я узнал, что интерес к изучению русского языка в Африке резко упал. Уроки русского языка в школах отменили. Многих преподавателей просто отправляют домой. И тут-то я вспомнил, что большинство студентов-иностранцев в наших вузах — это африканцы. Их до вуза в течение целого года доучивают русскому языку с учетом того, что русский они изучали еще в школе. Но раз сейчас ситуация так кардинально изменилась, то кто же к нам тогда поедет учиться?

И тут мне пришла в голову идея: а почему бы их у нас обучать не на русском, а на английском или французском языках? Ведь у нас полно преподавателей, имеющих опыт работы за рубежом. Вернувшись в Ленинград, я все это тщательно обдумал, составил план и направил все бумаги в мэрию Петербурга. Через пару дней мне позвонили оттуда и предложили зайти для беседы. Я приоделся и пошел в Смольный. Принял меня заместитель Собчака по науке и образованию. Очень интеллигентный мужчина, к тому же свободно говорящий по-французски. Идея эта ему в высшей степени показалась привлекательной. Вопрос

упирался только в финансирование. Денег у них, как всегда, не было.

Через пару месяцев мы встретились снова. Он обсудил мое предложение с ректорами ряда петербургских вузов. Им это не показалось столь интересным. Особенно их смутило предложение оплаты преподавателям в зависимости от объема и квалификации их труда. Они сослались на существующую сетку тарифов зарплаты. Тогда я предложил ему создать автономный университет на базе освободившихся к тому времени массы дворцовых помещений, из которых выехали распущенные райкомы-горкомы партии. Но вскоре все дело потонуло в массе согласований, увиливаний и уверток разного рода и масштаба.

А через два года я поехал преподавать на английском языке в Пражский университет, где эта идея для иностранных студентов и аспирантов была реализована с 1993 года. Идеи витают в воздухе!

Но самое интересное — это то, что в феврале 2009 года я был в Праге и посетил этот университет, Так вот там вместо двух групп студентов, которые были в то время, когда я там преподавал, теперь уже на двух факультетах ведется преподавание на английском языке для иностранных студентов — от первого до последнего курса. И университет на этом неплохо зарабатывает, и преподаватели получают приличные зарплаты.

* * *

В Пражском университете я проработал год. По условиям контракта я должен был приехать без семьи. Да и куда я должен бы был девать здесь детей школьного возраста? Русских школ там не было. Учить им здесь чешский язык, а потом снова возвращаться в Россию и продолжать обучение на русском?

Меня поселили в скромный одноместный гостиничный номер невдалеке от Вацлавской площади. В соседнем номере жил доцент из Сиднея, преподававший в нашем же университете и приехавший также на год по приглашению. Мы с ним вскоре подружились. А напротив жила группа молодых преподавательниц из Лондона. Настолько молодых, что к ним на выходные нередко приезжали родители. Почти каждый вечер у нас на огромной кухне были чаепития. Каждый приносил что-нибудь к столу, и беседы длились до часа, а то и до двух ночи. Тема России в те годы с ее perestroika и glasnost была очень популярна. Кроме того, я сообразил взять туда альбомы и слайды Питера и нередко рассказывал им о нашем городе. Они тоже в долгу не оставались.

Но, пожалуй, самым приятным в Праге было то, что студенты,

здороваясь со мной, говорили: “Good Morning, sir!”, а вопросы на лекции задавали так: “May I a question, sir?” У нас ведь чаще к преподавателям обращаются по-иному: “Ой, а на экзаменах конспектами можно будет пользоваться?” или “Ой, а когда вас на кафедре можно поймать?”

Когда ко мне в Прагу на пару неделек заехал брат, который последний раз был там в 1975 году, он был поражен тем, что если в те годы немецкий язык был там знаком многим и он на нем везде мог изъясниться, то в 90-х годах немецкий язык был начисто вытеснен английским. Немецкий знали только пожилые пражане. Что же касается английского, то тогда не было даже нужды начинать с вопроса: “Speak English?” А можно было прямо обращаться с любым вопросом по-английски и в магазине, и в кафе, и на улице. Отвечали процентов девяносто.

Для сравнения скажу, что сейчас, в 2009 году, почти все пражане снова стали понимать русский. Хотя бы потому, что нынче там много работает наших соотечественников.

Вернувшись из Праги в Питер, я поначалу снова начал было деятельность по организации преподавания студентам-иностранцам на их же языке, ссылаясь теперь уже на пражский опыт. Мол, прецедент уже есть! Но в это время у начальственных лиц, могущих решить данный вопрос, появилась масса других, гораздо более легких способов зарабатывания денег, и от меня просто отмахнулись.

* * *

Когда время от времени мы встречаемся с одноклассниками, мне задают вопрос:

— А ты что сейчас делаешь?

Я отвечаю:

— Книги пишу.

— Детективы? — тут же все оживляются.

— Нет, я пишу книги, которые никто никогда не читает. По крайней мере, от начала до конца.

— ???

— Очень просто. Это словари. Их же раскрывают, пробегают глазами несколько строчек и тут же ставят обратно на полку.

Но прежде чем дойти до написания словарей, я прошел очень длинный путь. Ряд этапов этого пути я описал в предыдущих разделах. А теперь вернусь к рассказу о том, как я готовился к походу в Смольный.

Чтобы не идти с пустыми руками к руководству города с идеей преподавания на иностранном языке для зарубежных студентов, я набрал немаленькую базу данных по Петербургу по

преподавателям, готовым это делать. С этой целью я раскрыл справочник вузов Петербурга и стал искать те из них, где выпускались местные многотиражки: “За кадры верфям”, “Технолог”, “Электрик”... Звонил туда и спрашивал, можно ли дать объявление о приглашении на работу преподавателей. В большинстве случаев мне отвечали:

— Любые объявления, кроме обмена квартир и приглашения девушек для стриптиз-клубов.

— А можно я просто текст по телефону начитаю?

— Нет, приезжайте с паспортом, и нужна ваша подпись.

Я объехал так два десятка вузов. Объявления везде приняли. А еще в десяток вузов объявление дали по моей просьбе приятели.

Еще двоих моих коллег по работе я к этому делу подключил. Из тех, кто за рубежом преподавал. И начались звонки. Набрали мы около сорока человек. Устроили общее собрание. Вечером в вузе обычно полно свободных аудиторий. Всем идея понравилась.

Вот только после этого я и пошел в Смольный. И там этот вопрос сразу возник: “А есть ли у вас уже такие преподаватели?” И когда я отвечал, что есть, то тем самым становилось ясно, что мы работу уже начали.

* * *

После того, как я встретился второй раз с городским руководством и от меня, прямо говоря, отмахнулись, а людей для проведения широкого круга занятий на английском языке нам с ребятами удалось собрать достаточно, мы сильно призадумались. Мои компаньоны, оба, кстати, тоже Володи, оба профессора и оба, естественно, нищих, но при этом люди с идеями, подсказали мне: а что если замах сделать чуть менее масштабным — не студенты, а школьники, и не “ихние”, а наши. Но вот где проводить такие занятия?

И тут, снова обратившись к часто выручавшей меня телефонной книге, удалось найти особые учебные заведения: межшкольные учебно-производственные комбинаты. На Питер их было около десятка. Пришлось, как и обычно, все их объезжать. В половине из них удалось договориться.

Особенно нам нужны были комбинаты с компьютерными и магнитофонными классами. Я попросил своего приятеля — крупного провайдера Интернета в Питере — подсоединить их к Интернету. Пока бесплатно, а потом в счет будущих доходов. Директора комбинатов в нас поверили — получили бесплатный Интернет!

Теперь наступила самая ответственная пора — “окучивание”

контингента. Дав объявления в школах о собраниях родителей с целью вовлечения их детей в группы на английском языке по изучению информатики, обучению работе в Интернете, деловому общению, офисному делопроизводству, мы выбрали ударные мобильные группы преподавателей в составе двоих мужчин и одной женщины. Чтобы произвести успешное впечатление, пришлось раскошелиться на приличную одежду и, особенно, обувь.

На собрания приходили, как правило, молодые мамочки. Тогда первым выступал мужчина. Потом каждый из преподавателей рассказывал, где именно и сколько он преподавал за рубежом и какие перспективы открывает для подавляющего числа будущих специальностей знание предлагаемых дисциплин. А в заключение собрания все родители рассаживались за компьютеры, и мы показывали, что может Интернет. В итоге процентов девяносто тут же отдавали деньги за обучение детей, хотя мы и предлагали устроить первое занятие бесплатное, причем с их участием.

Сейчас многие из этих вещей кажутся уже общим местом, но в 1995 году это было еще экзотикой. Приведу лишь один пример: когда я принес выпущенную за свой счет книгу “Интернет — первые шаги в России” в отдел технической литературы Санкт-Петербургского Дома книги на Невском проспекте, мне заведующая отделом сказала:

— Плохо, что у вас уже на обложке опечатка: вместо “интерната” написано “Интернет”. А книги эти принимают вообще в отделе школьного воспитания, если, конечно, обложку переклеите.

Напомню, что книга Эда Кролла об Интернете появилась на полгода позже.

* * *

И все-таки идея обучения студентов-иностранцев на английском или французском языках меня не оставляла. И вот как-то нам пришла идея использовать для этого обычно полупустующие институты повышения квалификации. Их в Петербурге было около десятка. Созвонившись с их руководством, мы приходили на встречи и выяснили, что для наших целей это вполне подходящие организации. У них, кроме просторных аудиторий, имелись еще и общежития. Для студентов из других стран это было очень важно.

Но постепенно мы стали замечать, что упоминание слова “иностранцы” сразу вызывает у наших собеседников тоскливое настроение. Нам стало понятно: если обычные дневные вузы

принимали до этого иностранных студентов, это была для них установившаяся практика и там имелись все соответствующие структуры, то у институтов повышения квалификации в этом отношении опыт полностью отсутствовал.

Кроме того, нужна была государственная аккредитация таких учебных заведений, не имеющих аналогов ни в СССР, ни в России. Это тоже немалая головная боль!

И еще. В то время появилась масса экспресс-методов зарабатывания денег: начиная от оптовой закупки и последующей продажи “пищевки” и лекарств до перепродажи поступающих из-за рубежа компьютеров, видео- и аудиокассет, дисков, тогда еще не CD, а обычных дискет сначала 5-дюймовых, а позже 3,5-дюймовых. Это был путь мгновенного и вполне законного обогащения.

А для того, чтобы реализовать наши предложения, нужны были годы. Кто же будет ждать столько времени!

ПЕРВЫЙ СЛОВАРЬ

Как-то утром раздался телефонный звонок. Это был директор издательства, для которого я перевел несколько романов.

— У меня сын поступил в вуз, — сказал он, — и у них там английский. А в школе у него немецкий был. Какой англо-русский словарь вы бы ему посоветовали приобрести?

Я призадумался.

— Вот я смотрю, вы не можете сразу ответить, — заметил мое замешательство директор, — значит, как я понимаю, нет такого словаря для новичков. А вы не хотели бы сами создать такой?

— Ну, я не знаю, одно дело — перевод, а другое...

— Я не шучу. Подъезжайте, поговорим.

Поскольку с финансами, как всегда, была жуткая напряженка, я пулей помчался туда. Оказалось, что директору издательства дали крупный банковский кредит. И у него сразу появилась масса планов, а главное, уйма возможностей.

Для начала он спросил, сколько времени займет составление словаря англо-русского и русско-английского страничек так на двести.

— Всего? — уточнил я.

— Нет, каждая часть по двести страниц, то есть всего четыреста.

— Знаете что, — я задумался, — я попробую страничек десять составить, а потом оценю время.

— А гонорар?

— Тогда и гонорар определится.

— Хорошо, — согласился он, — вот тут для начала возьмите

небольшую долю авансом. Потом мы ее вычтем.

Он подошел к сейфу, вынул оттуда пачку и положил на стол. Это были доллары. Он отсчитал ровно десять сотенных бумажек.

— Вот тысяча на первое время, — сказал он, протягивая мне купюры.

— Мне бы лучше рублями, — скромно потупился я, вспомнив, что до банка еще далеко ехать, а на завтрак сегодня снова, кроме мочёнок, ничего не было.

— Рублями так рублями, — согласился директор.

Я подписался и поставил дату.

Буквально через пару дней после того, как я вернулся с авансом из издательства, меня разбудил телефонный звонок. Это была Джулия, одна из тех американских аспиранток, что жила у нас год назад. Ее пригласили в Питер на научную стажировку на полгода. Жилье ей обещали обеспечить, но с ней вместе хотел приехать на пару неделек еще ее отец. Уж очень много он слышал про Петербург, и ему не терпелось самому все это увидеть. Так вот она спросила, сможет ли он у нас остановиться. Русского языка он, естественно, не знал, а одному ему передвигаться по городу было бы неуютно. Мы сразу согласились.

Они приехали через неделю. Мы походили вместе по музеям. Были в Пушкине и Павловске. Выезжали в Петергоф. Элдон, отец Джулии, во всех музеях тихо подходил ко всем старушкам смотрительницам и совал им в ладошку пять долларов. И еще одна его особенность, где-то он, вероятно, в фильмах о русской жизни, видел это: в конце застолья рюмку, из которой он пил водку, сказав: “Бальшо пасиба!”, клал почему-то в карман. Всем в Питере восторгался. Говорил: “Как вам повезло, что вы родились в России!” Вернувшись домой, он чуть ли не каждый месяц присылал нам большие посылки. Там были джинсы, платья, толстые книги по истории Америки и обязательно пара плееров и пять-шесть штук бейсбольных кепок. А Джулия с большой охотой подключилась к работе над англо-русским словарем. Она внесла в него массу характерных часто встречающихся разговорных выражений. Поправляла много статей. То есть была полноценным соавтором. Кроме того, она с удовольствием занималась английским с нашим сыном...

И вот в 1994 году словарь вышел из печати. Тираж двадцать тысяч экземпляров разошелся почти мгновенно. Но при этом многие отмечали его главный недостаток — отсутствие транскрипции.

На транскрипцию у меня ушел еще почти год. Это безумно сложная работа — набор и проверка этих “жучков”. Но зато новый тираж запустили еще больше предыдущего и почти тут же

повторили.

Издательство было в восторге! Оно оказалось в числе первых коммерческих издательств, которое начало выпускать словари. До этого их коллеги увлекались в основном выпуском анекдотов и эротики.

“ГУЧЧИ”, “ВЕРСАЧЕ”, “ДЖИВАНШИ”…

Был у меня большой друг. Острослов и не дурак выпить. Когда во время очередного застолья кто-нибудь заводил длинный тост, а тот во время этого все грел ладонью запотевшую стопку и внутри у него все уже горело, он не выдерживал и орал нарочито противным бабьим голосом:

— Выходи на концовку!!

Так вот и мне со своими записками пора выходить на концовку. Хотя можно много еще чего написать: и про моего немецкого соавтора с несколько игривым для русского слуха именем — Йобст, и про организацию нами на Ленинградском мясокомбинате компьютерных курсов для руководства, и про шабахи, где я, чтобы расплатиться с долгами за кооперативную квартиру, три года работал в бригаде строителей финской бани с бассейном, а потом цеха по производству минеральной воды. Сначала работал только на бетономешалке, но потом дорос до каменщика. Был период, когда я подвизался в роли “свадебного генерала”. Фирме, состоявшей преимущественно из лихих мордоворотов, нужно было произвести впечатление на городские власти. И меня брали с собой для переговоров. Вроде такого Кисы Воробьянинова. В основном я надувал щеки и крякал. Иногда вставлял что-нибудь по-латыни.

Именно при подготовке к презентациям я впервые и услышал такие слова, как “Гуччи”, “Версаче”, “Дживанши”. Мне давали напрокат дорогие шмотки, нацепляли элегантные очки без оправы, в которых я, правда, ни черта не видел. Однако после совещаний все это отбиралось. А за час участия в совещаниях платили по 50 долларов.

Галстуки же я всегда выбирал и повязывал сам. И не только себе. Просто я умел завязать галстук “с попочкой”, и не посередине, а чуть сбоку. А летом я мог выбрать себе вместо галстука шелковый шейный платок. Имел такую слабость…